

— спросил он.

— Точно не знаю. Это народ случайный, их, кажется, берут на один раз, — ответил я.

— А с какой целью такой человек стал бы вредить майору Дэвидсону? — спросил он с наивным видом.

Я пристально посмотрел на него.

— Что же, вы думаете, я все это сочинил? — спросил я.

— Да нет. — Он вздохнул. — Этого я, честное слово, не думаю. Вероятно, следовало бы поставить вопрос так: трудно было бы кому-то, кто хотел повредить майору Дэвидсону, получить работу служителя на скачках?

— Легче легкого, — ответил я.

— Мы должны будем это выяснить. — Он задумался. — Это очень удобный способ убить человека.

— Тот, кто это устроил, не собирался убивать его, — произнес я решительно.

— Почему нет?

— Потому что меньше всего было шансов за то, что майор Дэвидсон разобьется насмерть. Я бы сказал, что это задумывалось для того, чтобы он не смог выиграть скачку.

— При таком падении — и мало шансов разбиться? А мне казалось, что это очень опасно, — сказал Лодж.

Я ответил:

— Те, кто это подстроил, хотели выбить его из седла, как мне кажется. Обычно, если ваша лошадь скачет быстро и сильно задевает барьер, когда вы этого не ждете, вас выбрасывает из седла. Вы летите по воздуху и приземляетесь далеко впереди от того места, куда падает лошадь. Это может закончиться для вас серьезной травмой, да, но редко приводит к смерти. Билл Дэвидсон не полетел вперед. Может быть, он застрял в стремени носком сапога, хотя и это маловероятно. Может быть, он тоже зацепился за проволоку и она задержала его. Он упал отвесно вниз, и его лошадь грохнулась прямо на него. Но даже тогда это чистая случайность, что лука седла угодила ему прямо в живот. Такое нарочно не подстроишь.

— Понимаю. Вы, кажется, много размышляли на этот счет.

— Да. — По ассоциации мне пришли на память узоры на портьерах и на коричневом линолеуме в больничной комнате для ожидания.

— А вы не думали, кому могло быть выгодно повредить майору Дэвидсону? — спросил Лодж.

— Нет, — ответил я, — его все любили.

Лодж встал и потянулся.

— Пойдемте посмотрим на вашу проволоку, — сказал он и высунул голову в приемную. — Райт, поищите Гокинса и скажите, что мне нужна машина, если она на месте.

Машина была на месте. Гокинс (так я подумал) сидел за рулем, я опустился на заднее сиденье рядом с Лоджем. Вскоре мы уже были на месте. Главные ворота ипподрома были все еще заперты, но, как я убедился, имелись и другие способы проникнуть за ограду. Полицейский ключ открыл неприметные ворота в деревянном

заборе.

— Это на случай пожара, — пояснил Лодж, перехватив мой удивленный взгляд.

В конторе ипподрома было пусто, администратор отсутствовал. Гокинс поехал через круг поперек ипподрома к самому дальнему препятствию. Нас здорово трясло на неровной почве. Гокинс подкатил вплотную к откосу барьера у бровки, и мы с Лоджем вылезли из машины.

Я пошел вдоль барьера к противоположному откосу.

— Проволока там, — сказал я.

Но я ошибся.

Был столб, был откос, была высокая трава, был барьер из березовых кольев. Но не было мотка проволоки.

— Вы уверены, что это то самое препятствие? — спросил Лодж.

— Уверен, — ответил я.

Мы стояли, глядя на пространство круга, лежавшее перед нами. Мы были на самом дальнем конце ипподрома, и трибуны на этом расстоянии казались неясной громадой. Барьер, у которого мы остановились, был единственным на короткой прямой между двумя изгибами скаковой дорожки, и ближайшее к нам препятствие находилось в трехстах ярдах слева за отлогой дугой.

— Вы берете вон то препятствие, — пояснил я, указывая налево, — потом перед вами длинный пробег вот до этого. — Я похлопал по барьеру рядом с нами. — Потом, когда вы перескочили это препятствие, через двадцать ярдов крутой поворот перед новой прямой. Следующее препятствие расположено на этой прямой несколько дальше, чтобы перед прыжком дать возможность лошади восстановить равновесие после крутого поворота. Это хороший ипподром.

— А вы не могли ошибиться в тумане?

— Нет. Это тот самый барьер.

Лодж сказал:

— Ладно. Посмотрим поближе.

Однако все, что мы увидели, — это неглубокий желобок на когда-то побеленном внутреннем столбе и более глубокий — на наружном столбе, где проволока впивалась в дерево. К обоим желобкам нужно было присмотреться, иначе их можно было не заметить. Оба находились на одной высоте — шесть футов и шесть дюймов над землей.

— Право, это очень неубедительно, — сказал Лодж.

Мы возвратились в Мейденхед в молчании. Я был расстроен, чувствуя, что сваял дурака. Теперь я понял, что после того, как нашел проволоку, должен был взять туда с собой кого-нибудь — кого угодно, хотя бы сторожа. Человек, видевший — пусть в темноте и в тумане, — что проволока прикреплена к барьеру, если бы даже он не мог показать под присягой, на каком именно барьере он ее видел, это было бы все-таки лучше, чем полное отсутствие свидетелей. Я попытался утешить себя мыслью, что злоумышленник мог вернуться к барьеру с кусачками в то время, как я шел к трибунам, и я все равно запоздал бы со своими свидетелями.

Из мейденхедского полицейского участка я позвонил сэру Кресвеллу Стампу. На этот раз я оторвал его, как мне было сказано, от поджаренных сдобных булочек.

Новость, что проволока исчезла, ему тоже не понравилась.

— Вы должны были сразу захватить какого-нибудь свидетеля. Сфотографировать проволоку. Сохранить ее. Мы не можем начинать дело, не имея доказательств. И потом, как это у вас не хватило здравого смысла действовать побыстрее? Вы очень безответственны, мистер Йорк. — И, добавив еще несколько любезностей, он повесил трубку.

Подавленный, я возвратился домой.

Я осторожно заглянул в комнату Сциллы. Там было темно, и я слышал ее ровное дыхание. Она все еще крепко спала.

Внизу на ковре у камина Джоан играла с детьми в покер. Я научил их покеру как-то в дождливый день, когда ребятам надоело играть в снап и рамми и они ссорились и капризничали. Покер, таинственная игра ковбоев из кинобоевиков о Диком Западе, сделал чудо. Через пару недель Генри превратился в такого мастера, с которым сядешь играть во второй раз, только хорошо подумав. Его острый как бритва математически точный ум фиксировал малейшие подробности рубашки каждой карты: у него была невероятная зрительная память. А когда он принимал слегка удивленный вид, рассчитывая ввести партнера в заблуждение, многие ничего не подозревающие взрослые попадались в ловушку. Я восхищался Генри. Он мог одурачить и ангела.

Полли играла достаточно хорошо, и я был уверен, что в обычной компании она не будет постоянно проигрывать. Даже маленький Уильям мог отличить флеш от фулла.

Они играли уже давно, и гора фишек перед Генри была втрое больше, чем у остальных.

Полли сказала:

— Генри выиграл все фишки, и нам пришлось их опять поделить и начать игру сначала.

Генри усмехнулся. Карты были для него открытой книгой, и он умел читать ее.

Я взял у Генри десять фишек и сел играть с ними. Джоан сдавала. Она дала мне пару пятерок, и я вытащил еще одну. Генри сбросил две карты и взял две другие, вид у него был довольный. Остальные сбросили все карты. Тогда я смело присоединил еще две фишки к двум, которые уже лежали на столе.

— Поднимаю на две фишки, — сказал я.

Генри взглянул на меня, убедился, что я серьезен, и стал отчаянно притворяться, будто он в нерешительности, вздыхал и барабанил пальцами по столу. Зная его манеру блефовать, я понял, что у него на руках блестящая комбинация и он изобретает, как бы вытянуть из меня побольше.

— Еще на одну, — сказал он.

Я собирался было добавить еще две фишки, но вовремя остановился.

— Нет, Генри, ничего у тебя не выйдет на этот раз! — Я сбросил карты и подвинул к нему выигранные им четыре фишки. — На этот раз ты получишь только четыре, и ни одной больше!

— А что у тебя было, Алан? — спросила Полли и, перевернув мои карты, увидела три пятерки.

Генри усмехнулся. Он даже не пытался помешать Полли посмотреть его карты. У

него была пара королей. Всего-навсего пара!

— На этот раз я тебя поймал, Алан, — сказал он, очень довольный.

Уильям и Полли застонали.

Мы продолжали играть, пока я не восстановил свою репутацию и не отыграл у Генри солидное количество фишек. Потом пришло время детям ложиться спать, и я пошел к Сцилле.

Она проснулась и лежала в темноте.

— Входи, Алан.

Я вошел и зажег лампу у ее кровати. Первый шок у нее прошел, она выглядела спокойной и смирившейся с неизбежным.

— Хочешь есть? — спросил я. Она ничего не ела со вчерашнего обеда.

— А ты знаешь, Алан, хочу, — сказала она, словно удивляясь сама себе.

Я сошел вниз, помог Джоан приготовить ужин и отнес его Сцилле. Мы ели, и она, опираясь на подушки, одна в большой постели, стала рассказывать об их первой встрече с Биллом, о том, как они проводили время, сколько было веселья. Ее глаза сияли от счастливых воспоминаний. Она говорила долго, все время только о нем. Я не останавливал ее до тех пор, пока у нее не стали подрагивать губы. Тогда я рассказал о Генри, о его паре королей. Она улыбнулась и немного успокоилась.

Мне очень хотелось спросить ее, не было ли у Билла в последние недели неприятностей, не угрожал ли ему кто-нибудь, но я подумал, что сейчас не время для расспросов. Я заставил ее принять еще одну таблетку снотворного, которое мне дали для нее в больнице, погасил свет и пожелал ей спокойной ночи.

Я раздевался у себя в комнате и чувствовал, что засыпаю на ходу, усталость валила меня с ног. Я не спал больше сорока часов, и немногие из них можно было назвать спокойными. Я нырнул в постель. Это был один из тех моментов, когда окунаешься в сон, как в непередаваемое наслаждение.

Спустя полчаса Джоан разбудила меня. Она была в халате.

— Проснитесь, ради бога! Я целый час стучусь к вам!

— Что случилось?

— Вас просят к телефону. По личному делу.

— Ох нет, — простонал я. Мне казалось, что меня разбудили среди ночи. Я взглянул на часы — было одиннадцать.

Спотыкаясь, я пошел вниз, не в силах заставить себя проснуться.

— Слушаю.

— Мистер Алан Йорк?

— Да.

— Не вешайте трубку. — Что-то щелкнуло в телефоне. Я зевнул. — Мистер Йорк? У меня для вас сообщение от инспектора Лоджа из мейденхедского полицейского участка. Он хотел бы, чтобы вы зашли к нему завтра днем, в четыре часа.

— Приду, — сказал я и, повесив трубку, пошел к себе. Спать, спать, спать.

Лодж ждал меня. Он встал, пожал мне руку, указал на стул. Я сел. Теперь у него на столе не было бумаг, за исключением небольшой, в четверть листа, папки, лежавшей прямо перед ним. За маленьким столом в углу, у меня за спиной, сидел

констебль в форме. Он раскрыл тетрадь, взял в руки перо, готовый стенографировать.

— У меня тут кое-какие показания, — Лодж постучал по своей папке, — о которых я хочу вам рассказать. А потом я хотел бы задать вам несколько вопросов.

Он раскрыл папку и вынул из нее два скрепленных вместе листа.

— Здесь показания мистера Д. Л. Дэйса, управляющего конторой ипподрома в Мейденхеде. Он сообщает, что из числа служителей ипподрома, дежуривших возле препятствий на случай необходимости в этих скачках, девять человек числятся на постоянной работе, а троих наняли специально на этот день. — Лодж отложил лист и взял следующий. — А это показания Джорджа Уоткинса, постоянного служителя на ипподроме. Он говорит, что они тянули жребий, кому какое препятствие обслуживать. У некоторых препятствий стоят по двое. В пятницу тянули жребий, как обычно. Но в субботу один из новых служащих выразил желание дежурить у самого дальнего барьера. Уоткинс говорит, что у них никто не любит это препятствие, потому что от него приходится бежать через весь круг, если хочешь сам сделать ставку между скачками. Поэтому все охотно согласилось на предложение новичка. На остальные препятствия тянули жребий.

— Как он выглядит, этот служитель? — спросил я.

— Так вы же его видели, — сказал Лодж.

— Я не разглядел его. Видел только, что это мужчина. Если бы я знал, что это будет настолько важно! У каждого препятствия стоит человек, я бы не отличил одного от другого.

— Уоткинс говорит, что он узнал бы этого человека, но описать его он не берется. Говорит, обыкновенный человек. Среднего роста, средних лет. Носит кепку, старый серый костюм и свободный макинтош.

— Это не приметы, — проронил я угрюмо.

Лодж продолжал:

— Он сказал, что его зовут Томас Кук, что сейчас он без работы, но на следующей неделе получает место, а пока перебивается случайными заработками. Очень приятный человек, без всяких странностей, как утверждает Уоткинс. Разговаривает как лондонец, без беркширского акцента.

Лодж отложил бумагу и взял следующую.

— Это заявление Джона Рассела, служащего пункта первой помощи. Он показывает, что стоял у первого препятствия на прямой, наблюдая за тем, как лошади огибают дальнюю часть ипподрома. Он говорит, что из-за тумана ему видны были только три препятствия — то, у которого он стоял, следующее на прямой и то, у которого упал майор Дэвидсон. Предыдущее препятствие, как раз напротив него на дальней стороне ипподрома, представлялось ему неясным пятном. Он видел, как майор Дэвидсон вырвался из тумана, после того как взял предыдущее препятствие, и как он упал на следующем. Майора Дэвидсона он больше не видел, хотя лошадь его поднялась и поскакала галопом без наездника. Рассел пошел к препятствию, у которого упал майор Дэвидсон. Потом, когда вы проскакали мимо — он заметил, что вы оглядывались, — он побежал. Он нашел майора Дэвидсона лежащим на земле.

— Видел он проволоку? — спросил я поспешно.